

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ М-МОДЕЛЕЙ В ДИСКУРСЕ ГЕНОЦИДА

Рита ПЕТРОСЯН, Нарине МИНАСЯН

Key words: Genocide discourse, trope, figures of speech, functions, metaphoric model, addresser, addressee, national consciousness.

Բանալի բառեր՝ Յեղասպանություն խոսույթ, դարձույթ, բանադարձում, գործառույթներ, փոխաբերական մոդել, հասցեագրող, հասցեատեր, ազգային գիտակցություն:

Ключевые слова: Геноцид, речь, обращение, функции, образная модель, адресация, адресат, национальное сознание.

THE MAIN FUNCTIONS OF METAPHORIC MODELS (M-MODELS) IN GENOCIDE DISCOURSE

R.PETROSYAN, N.MINASYAN

The given article aims at revealing the main functions of metaphoric models (M-models) in Genocide discourse. M-model has entered on a new stage of scientific development in the result of combination of traditional, cognitive and discourse approaches.

On the whole the functions of metaphorical models in political discourse are considered in the system of influence **addresser-addressee**.

The analysis of M-models of Genocide discourse shows that the functions of M-models of preservation and transference of national consciousness, cultural values and history of the nation play a significant role in Genocide discourse.

It's necessary to emphasize that the main functions of tropes and figures of speech are characteristic for M-models in Genocide discourse.

ՓՈԽԱԲԵՐԱԿԱՆ ՄՈԴԵԼՆԵՐԻ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԳՈՐԾԱՌՈՒՅԹՆԵՐԸ

ՅԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆ ԽՈՍՈՒՅԹՈՒՄ

Ռ.ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ, Ն.ՄԻՆԱՍՅԱՆ

Տրված հոդվածի նպատակն է բացահայտել փոխաբերական մոդելների հիմնական գործառույթները Յեղասպանություն խոսույթում: Փոխաբերական մոդելը գիտական զարգացման նոր փուլ է մտել ավանդական, ճանաչողական և խոսույթային մոտեցումների համակցության արդյունքում:

Ընդհանուր առմամբ փոխաբերական մոդելների գործառույթները քաղաքական խոսույթում դիտարկվում են *հասցեագրող-հասցեատեր* ազդեցության համակարգում:

Յեղասպանություն խոսույթի փոխաբերական մոդելների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ նրանում ազգային գիտակցության, մշակութային արժեքների և ազգի պատմության պահպանման և փոխանցման փոխաբերական մոդելների գործառույթները կարևոր դեր են խաղում:

Կարևոր է մատնանշել, որ դարձույթների և բանադարձումների գլխավոր գործառույթները բնորոշ են Յեղասպանություն խոսույթում փոխաբերական մոդելներին:

В статье анализируются основные функции метафорических моделей (М-модели) в дискурсе Геноцида. М-модель вышла на новый уровень научного развития в результате комбинирования традиционного, когнитивного и дискурсивного подходов.

В целом, функции метафорических моделей в политическом дискурсе рассматриваются как система воздействия адресанта на адресата.

Анализ метафорических моделей в дискурсе Геноцида выявляет, что функции метафорических моделей хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа М-моделей играют большую роль в дискурсе Геноцида.

Необходимо отметить, что основные функции тропов и фигур речи характерны для метафорических моделей в дискурсе Геноцида.

Существуют разные подходы к определению понятия «метафора». Традиционно метафора рассматривается в рамках стилистики и причисляется к одному из тропов. «Под метафорой понимается определенное внешнее сходство, на основе которого можно сравнивать одно с другим. В этом смысле античная риторика говорит о метафоре как о «коротком сравнении» (Логачев 2008: 94-97).

«В расширенном смысле термин метафора применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» (Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 296).

Когнитивный подход к изучению метафор существенно изменил представления о ней, в том плане, что ее стали рассматривать не на уровне языка, а на уровне мышления. Известный тезис Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что «само человеческое мышление протекает метафорично, т. е. человеческая концептуальная система структурирована метафорически и определяется метафорами» (Дж. Лакофф и М. Джонсон) не вызывает сомнения у лингвистов.

Метафора приобрела совершенно новые содержательные и функциональные характеристики, когда стали ее рассматривать с точки зрения дискурсивного подхода. «Метафоры являются составными частями дискурса, любой дискурс содержит характерные для него метафоры, т. е. определенную комбинацию метафор и особый способ использования метафор» (Логачев 2008: 94-97).

Анализ соответствующей литературы показывает, что понятие «метафорическая модель» или М-модель вошло в научный оборот в результате развития и сочетания, прежде всего, традиционного, когнитивного и дискурсивного подходов. Метафорическая модель – «это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: "X - это Y". Например, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ - это ВОЙНА; ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ - это ПУТЕШЕСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ - это ДЕНЬГИ. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: "X подобен Y", ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ подобна ВОЙНЕ. В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности» (Чудинов 2013: 27).

В истории науки известны концепции, по которым в качестве основных, выделяли такие функции метафоры, как эстетическая, номинативная, коммуникативная, прагматическая и др.

В целом функции М-моделей в политическом дискурсе рассматриваются в системе воздействия АДРЕСАНТ → АДРЕСАТ. Исследователи выделяют, прежде всего, познавательную функцию метафорических моделей, в том плане, что фигуры речи и тропы являются средством познания мира.

Тропы (особенно метафоры) осваивают абстрактное через конкретное, ненаглядное через наглядное, рационально постигаемое через доступное чувственному восприятию.

Кроме познавательной функции, метафоры выполняют культурную функцию. Политический дискурс в этом случае представляется как семиотическая система, и адресат и адресант являются участниками, инициаторами своеобразного смыслообразования. В рамках дискурса Геноцид метафоризация речи исследователей, политических лидеров происходит в соответствии с логики смыслообразования политической культуры сторонников и оппонентов признания Геноцида.

Особенно выделяется функция семантической неопределенности политических метафор, так как она «проявляется в явной форме, на поверхности культуры, в системах, ориентированных на сложность, неоднозначность или невыразимость истины» (Цит. по Фроловой 2011: 2-10, Лотман 1992: 162-178).

Следует выделить также творческую или эмоциональную функцию метафорических моделей, заключающейся в том, что «тропы выражают субъективный взгляд человека на мир, выражают оценки, эмоции, как бы предлагают каждому стать поэтом, творцом – художником.

Например, метафоры обладают не только когнитивными (объяснение неясного), но и аффективными функциями (порождение эмоций) (Brandes 1980: 8).

Н. И. Сырма выделяет текстообразующую функцию тропов и фигур речи. Согласно автору: «Текстообразующая функция тропов и фигур речи опирается на их способность модифицировать, трансформировать свое основное значение в процессе речевой реализации, т.е. в процессе создания текста. Текстообразующая функция тропов и фигур речи проявляется не только на семантическом, но и на структурном (строевом) и композиционном уровне» (Сырма 2007: 16). Анализ разных текстов в рамках дискурса Геноцида показывает, что М-модели, отражая особенности тропов и фигур речи на

дискурсивном уровне, обладают не только текстообразующей, но и речепорождающей функцией. В каком-то смысле они являются ядром дискурса Геноцида.

Специфика концепта Геноцид позволяет утверждать, что в дискурсе Геноцида тексты сочетают стилистические и жанровые особенности и поэтических, и научно-публицистических текстов. Метафора в дискурсе Геноцида может выполнять и «эстетическую (метафора как украшение речи)» и «активизационную (метафора как средство активизации восприятия адресата)» функции. В этом случае, познавательная функция отходит на второй план. Вместе с тем, «В научном дискурсе на первое место выходит познавательная, эвристическая функция метафоры, позволяющая осмыслить новый объект исследования, опираясь на знания о других типах объектов... Важна для научного дискурса и аргументативная функция метафоры как средство убеждения в правильности (правдоподобности) выдвигаемых тезисов или постулатов» (Кобозева, 2016: 134-135). Следовательно, можно сделать вывод о том, что в функциональном плане М-модели в дискурсе Геноцида могут сочетать характеристики и поэтических, и научно-публицистических текстов.

Важно выделить эвристическую и аргументативную функции метафоры, особенно, когда анализируем М-Модели Механизм, Физическое воздействие. Однако, при рассмотрении «интерактивной функции» М-моделей, на первый план выступают М-модели Персонификация и Фауна.

А. В. Степаненко разграничивает следующие функции метафоры в политическом дискурсе: «прагматическая, когнитивная, эмоциональная, репрезентативная, хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа» (Степаненко 2002: 24). Соответствующий анализ М-моделей дискурса Геноцид свидетельствует о том, что функции М-моделей хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа играют решающую роль в дискурсе Геноцида.

Принципиально важно подчеркнуть, что для М-моделей в дискурсе Геноцид характерны основные функции тропов и фигур речи. В целом можно выделить текстообразующую, познавательную, творческую, эмоциональную и другие функции М-моделей. Например, в нижеприведенном суждении С.К. Гаспарян использует разные тропы и фигуры речи: метафоры, иронию и т.д.

«The very wording of the passage clearly shows that the *inhuman policy* of the Turks, of course, was not aimed at an execution of displacement with good intentions. It was a methodically pre-planned scheme of extermination of Armenians according to which the first and effective step to wipe out Armenians was to behead the nation by murdering its intellectuals» (Gasparyan 2014: 90). Очевидно, что при осуществлении жестокой, бесчеловечной политики, у турок не могли проявляться «хорошие намерения» («good intentions»). Она употребляет иронию и при описании путей уничтожения армян («effectivestep to wipe out Armenians»). Эффект сарказма и иронии усиливается, когда автор употребляет М-модель Механизм («pre-planned scheme of extermination, behead the nation by murdering»).

The government “had no other choice,” and launched massacres of innocent people ethnic Armenians, brutally murdering the elderly and children, men and women (Gasparyan 2014: 65, 91). В данном суждении М-модели Механизм и Физическое воздействие выступают воедино. Погромы, убийство являются средством, простым механизмом решения политических вопросов. При том, это не только резня, это резня невинных людей. По сути, мы имеем дело с механизмами физического воздействия.

Примечательно то, что выявление механизмов физического воздействия позволяет автору показать, что целью использования турецкими идеологами является, прежде всего, искажение истории, исторических фактов. В этой связи С.К. Гаспарян пишет: «Curiously enough, next to this “fair assessment” Suny does not forget his crucial mission of distorting the Armenian history and playing into the hands of the Turkish ideology by stating that Armenians had lived in the area for about a thousand years before Turks appeared (*a people who had lived in eastern Anatolia for nearly a thousand years before the Turks arrived*)» (Gasparyan 2014: 91). В целенаправленном искажении истории Армении противники признания Геноцида очень часто используют М-модели Механизм и Физическое воздействие, применительно к туркам, а не к армянам.

При анализе политического дискурса противников признания Геноцида очень часто используются М-модели Механизм и Ориентация. «Not difficult to notice that the author’s approach inherently suggests denying any pre-planned scheme of a genocide» (Gasparyan 2014: 98).

Использование М-модель Объект-Предмет позволяет автору выявить психологические характеристики противников признания Геноцида и тех, которые борются за историческую справедливость. Противопоставление и сопоставление лежат в основе данной модели. Например:

«the Genocide had no religious motives, nor was it a mortal struggle of two peoples seized with a nationalistic frenzy (the genocide was neither religiously motivated nor a struggle between two contending nationalisms, one of which destroyed the other)». Противостояние инициаторов погромов и «невинных жертв» (сфера источник) представляется М-моделью Объект-предмет (сфера магнит).

С. К. Гаспарян выделяет дискурс Геноцида как часть современного политического дискурса. «We also intend to examine to what extent the wording, semantics and functionalism of Lemkin's discourse have been reflected in the UN Genocide Convention. The texts of the above-mentioned documents have been treated as samples of genocide discourse» (Gasparyan, Paronyan, Chubaryan, Muradyan 2016: 55). Сами авторы подчеркивают, что концепт Геноцид рассматривается ими на разных уровнях: лексический, семантический, функциональный и т.д.

В общей сложности, можно подчеркнуть, что в дискурсе Геноцида намечается тенденция сочетания М-моделей. Параллельное их использование в функциональном плане вполне оправдано, в том плане, что происходит своеобразное наложение основных функций тропов и фигур речи. Однако, на первый план выступают функция воздействия и эмоциональная функция рассматриваемых тропов. Например, в данном отрывке М-модель Игра сочетается с М-моделью Механизм, использован троп Ирония («objectivistic" veil»).

«Especially interesting is that this statesman is trying to hide his country's flagrant, coarse denial with the "objectivistic" veil (Игра) of not corrupting historical facts (Механизм) (*If we have to determine a position, it should be done with great care not to distort the historical realities*)» (Gasparyan, Paronyan, Chubaryan, Muradyan 2016: 116).

Рассматривая функциональные характеристики М-моделей, используемых в политическом дискурсе, выделяются мелиоративная и пейоративная функции эвфемизмов и дисфемизмов.

«1) мелиоративная функция (возвеличительная), направленная на позитивную характеристику какого-либо объекта в широком смысле (лица, идеи, доктрины, партии, учреждения и т. д.), которую выполняют функции самозащиты, вуалирования, а также функция акцентирования;

2) пейоративная (уничижительная), направленная на негативную характеристику какого-либо объекта, которую выполняют функции дискредитации и акцентирования (Абакова 2007: 87).

Функциональные характеристики особенно четко выделяются при анализе явлений эвфемизации и дисфемизации и в дискурсе Геноцида. В ниже приведенном примере явно выделяется М-модель *Ориентация*:

On the contrary, having inherited from his elder generations the painful experience (Ориентация) of the Holocaust, he cannot but feel with the same bitterness the pain caused by the horrible disaster of the Armenian Genocide, and sense the importance of standing by the Armenians (Тамже, 129). В том же примере, можно выделить эвфемизм "painfulexperience" вместо «suffering», «torment», «pain» и т.д.

Как было подчеркнуто, явления или тенденции эвфемизации и дисфемизации представляют большой интерес, прежде всего, с точки зрения их функциональных характеристик. Анализ основных М-моделей в дискурсе Геноцида показывает, что мы имеем дело с основными функциями эвфемизмов: с функциями *вуалирования, т.е. «манипулирования, акцентирования, самозащиты и дискредитации*, которые реализуются через тактики, характерные для стратегий политического дискурса» (Абакова 2007: 87).

Выделяя мелиоративную и пейоративную функции политических эвфемизмов и дисфемизмов, можно сказать, что используемые эвфемизмы выполняют, прежде всего, пейоративную функцию. Вместе с тем, здесь речь идет о познавательной и эмоциональной функциях М-моделей, а не о функциях дискредитации и акцентирования оппонентов.

Важно четко определить, кто является автором эвфемизмов, так как используя речевые приемы нейтрализации и маскировки, противники признания Геноцида армян используют общую функцию самозащиты.

Противники фальсификации истории, анализируя разные политические тексты, выявляют попытки «нейтрализации неприятных фактов». Например, рассматривая М-модель Фауна, С.К.

Гаспарян употребляет описательный эвфемизм «*to avoid carrying out reforms in the six eastern provinces*» (Գափարյան, Հարությունյան 2012: 112-132).

Изучение М-моделей в дискурсе Геноцида показывает, что важной стратегией политического дискурса является хеджирование, которое выступает как средство прагматического воздействия в данном дискурсе. Как и другие фигуры речи и тропы, основная функция хеджирования «заключается в том, чтобы сделать понятия более или менее «неясными»» (Lakoff 1980: 187, 195).

Закключение

В истории науки известны концепции, по которым в качестве основных, выделяли такие функции метафоры, как эстетическая, номинативная, коммуникативная, прагматическая и др. В целом функции М-моделей в политическом дискурсе рассматриваются в системе воздействия АДРЕСАНТ → АДРЕСАТ.

Анализ разных текстов в рамках дискурса Геноцида показывает, что М-модели, отражая особенности тропов и фигур речи на дискурсивном уровне, обладают не только текстообразующей, но и речепорождающей функцией. В каком-то смысле они являются ядром дискурса Геноцида.

В функциональном плане М-модели в дискурсе Геноцида могут сочетать характеристики и поэтических, и научно-публицистических текстов. Выдвигая на первый план исследования эвристическую и аргументативную функции М-моделей, следует выделить функции хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа М-моделей в дискурсе Геноцида.

В целом намечается тенденция сочетания функции М-моделей, в силу того, что происходит своеобразное наложение основных функций тропов и фигур речи в дискурсе Геноцида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Գափարյան Ս. Բ. Հարությունյան Գ. Ռ. Թաներ Արքրմի «Ամերիկա արք...» աշխատությունը / Վեմահանյակական հանդես, թիվ 2 (38), Եր., Վեմահանդես ՍՊԸ, 2012, էջ 125-134.
2. Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.: дисс. ... к. филол. н. Киров, 2005. - 152 с.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.
4. Сырма, Н. А. Тропы и фигуры и их текстообразующая функция (на материале русского и английского языков) : Дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 184 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М., 1998. - С. 25.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 2002. - С. 296.
7. Логачев С. А. Метафора войны в политическом дискурсе (на материале немецких СМИ). / С. А. Логачев / Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008 – № 49. – С. 94-97.
8. Сырма Н. А. Тропы и фигуры речи и их текстообразующая функция : на материале русского и английского языков: дисс. канд. пед. наук. Ростов-на-Дону. – 184 с.
9. Чудинов А. П. Ч-84 Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с. I.
10. Фролова Т. Г. Понятие метафорического стиля в современной прозе // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2011. Вып. 2. – С. 2-10.
11. Лотман Ю. М. Риторика // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 162-178.
12. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001. № 6. - 134-135.
13. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: (На материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. – 22 с.
14. Brandes S. Metaphors of Masculinity: Sex and status in Andalusian folklore. — Ph.: U. of Pennsylvania, 1980.
15. Gasparyan S. The Armenian Genocide: A Linguocognitive Perspective / S. Gasparyan; YSU. Yerevan, YSU Press, 2014, 208 p.

16. Gasparyan S., Paronyan Sh., Chubaryan A., Muradyan G. Raphael Lemkin's Draft Convention on Genocide and the 1948 UN Convention: a comparative discourse study / YSU, Yerevan, YSU Press, 2016. - 176 pp.

Сведения об авторе:

Петросян Рита Суреновна к.п.н., доцент кафедры английского языка

Минасян Нарине Станиславовна – старший преподаватель кафедры английского языка.

Статья рекомендована к печати членом редакционной коллегии, д.п.н., проф., И.К.Карапетяном.